

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2024. Том 28, № 4
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81'373.611

ББК 81.052.0

DOI 10.18522/1995-0640-2024-4-32-44

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕДУКЦИЯ КАК ЭТАП ЭКСПРЕССИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО НЕОЛОГИЗМА НА КРАЙНЯК)

Людмила Борисовна Савенкова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Отражая коммуникативные потребности современного общества, словообразование часто содержит экспрессивный компонент. Границы между кодифицированной и некодифицированной речью сегодня оказываются зыбкими. Разговорные фразеологические единицы могут в редуцированном виде использоваться в городском жаргоне как фразеологические неологизмы, а оттуда вновь проникать в общее употребление. Фразеологическая редукция выступает как промежуточная ступень словообразования. Завершение деривационного процесса может, однако, замедляться сохранением семантической связи с исходным строительным материалом и его собственной употребительностью.

Ключевые слова: *экспрессивная деривация, некодифицированная речь, фразеологический неологизм, фразеологическая редукция*

Для цитирования: *Савенкова Л. Б. Фразеологическая редукция как этап экспрессивной деривации (на примере фразеологического неологизма на крайняк) // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 4. С. 32–44.*

Original article

PHRASEOLOGICAL REDUCTION AS A STAGE OF EXPRESSIVE DERIVATION (USING THE EXAMPLE OF PHRASEOLOGICAL NEOLOGISM NA KRAINYAK)

Liudmila B. Savenkova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The lexical and phraseological level of the language system is constantly in dynamics, reflecting the communicative needs of society. Changes in the socio-political life of recent decades have also caused a change in the attitude of native speakers of modern Russian to the language norm. The boundary between codified and uncoded speech is not always clear. This determines the active interaction of colloquial and slang speech. The increased expressiveness of oral speech causes people who use urban slang to need to transform the linguistic means they know, entailing their reduction

and increasing the expressiveness of the utterance. Such processes contribute to the use of phraseological units as a means of expressive derivation. However, a free transition from communication involving slang units to communication within the framework of literary and colloquial speech can ensure that some of the reduced phraseological neologisms enter the circle of colloquial units, and then it is possible to continue the derivation process, as a result of which the language system can be enriched with a new lexical unit. Using the example of the phraseological neologism “*na krainyak*” (to the extreme), one can see the mechanism of action of phraseological reduction as an intermediate stage of expressive derivation.

Key words: *expressive derivation, uncodified speech, phraseological neologism, phraseological reduction*

For citation: *Savenkova L. B. Phraseological reduction as a stage of expressive derivation (using the example of phraseological neologism na krainyak) // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2024. Vol. 28, № 4. P. 32–44.*

Введение

Адаптивность как характерное свойство любой языковой системы выражается в ее способности приспосабливаться к коммуникативным потребностям пользователей. Наблюдения российских лингвистов, сделанные ими в конце XX – начале XXI столетия, убеждают в том, что современной русской речи свойственна повышенная экспрессивность (см. об этом, например, в [Земская, 2004, с. 533]). Она проявляется не только в использовании языковых единиц, но и в процессах деривации как на словообразовательном, так и на словотворческом уровне, о чем многократно писали специалисты-дериватологи [Ильясова, 2002; Бекетова, 2010; Рацибурская, 2017; Рубцова, Девдариани, 2021; Кайсарова, 2023]. При этом все более ускоряющийся темп жизнедеятельности влечет за собой желание коммуникантов соединить повышенную выразительность высказывания с его краткостью, сжатостью, что порождает интенсификацию эллипсиса, компрессии, редукции. Разумеется, эти явления можно отнести к числу универсалий. Именно поэтому к ним присматриваются исследователи разных языков, при этом диапазон сущностей, подвергающихся той же редукции, чрезвычайно широк – от звука до текста [Грудева, 2008; Федуленикова, Воронин, 2013; Бадмацыренова, 2019]. Автор одной из публикаций даже расценивает редукцию как «знак времени» [Пелевина, 2020].

В диахроническом плане обнаруживается, что не всегда новые единицы возникают как итог «разовой» деривации. Процесс может протекать с промежуточным результатом. Один из таких процессов состоит в редукции составного языкового знака (с сохранением его раздельнооформленности в сознании носителей языка), которая впоследствии может привести к полной лексикализации деривата. Проще говоря, здесь включается в действие механизм трансформации фразеологической единицы с дальнейшим превращением ее в слово.

Кажется важным рассмотрение подобных «ступенчатых» процессов с опорой на языковые и речевые факты относительно небольших временных отрезков (в настоящем исследовании это ближайшие к современности два столетия). Актуальность подобного исследования заключается в необходимости рассмотрения системы национального языка во взаимосвязи и динамике ее различных зон, кодифицированной и некодифицированных. Отсюда проистекает возможность прослеживания этапов формирования новых языковых единиц, подвергающихся редукции на определенном этапе деривации. Значит, начинать рассмотрение надо на фразеологическом подуровне, а завершать – на собственно лексическом.

Пополнение системы языка фразеологией, как известно, нередко выступает следствием устной коммуникации, о чем, в частности, размышлял А. М. Бабкин [Бабкин, 1970, с. 181]. Он же указывал, что живая речь как источник появления новых фразеологических единиц часто ведет к редукции существующих оборотов, т. е. к устранению из их состава части компонентов. Результатом этого процесса он называл эволюцию (в том числе и семантическую) фразеологических единиц, осуществляющуюся через повышение степени их компактности и лаконичности и проистекающее из этого расширение сочетательной способности [Бабкин, 1970, с. 105].

Редукция не всегда сводится к сокращению компонентного состава деривационной базы фразеологической единицы. Она может затрагивать и морфемный уровень. Такие изменения обеспечиваются параллельным влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Как отмечал Ю. А. Гвоздарев, это характерно для фразеобразовательных процессов, связанных с «желанием приспособить фразеологическую единицу к условиям социальной или территориальной группы носителей языка» [Гвоздарев, 2010, с. 140].

На сегодняшний день изменение отношения носителей русского языка к литературной норме, ставшее своеобразным эхом перестройки как коренной ломки не только государственного устройства, но и сознания российского населения, начиная с середины 80-х гг. XX в., привело к активному внедрению в разговорно-просторечную сферу общения жаргонизмов разного рода с постепенным размыванием границ между этими слоями системы общенационального языка. Е. А. Земская еще в начале XXI в. отмечала: «Жаргон в наши дни резко расширяет социальную базу своего функционирования. Он проникает в язык газет, радио и телевидения, широко употребляется носителями литературного языка, используя как средство экспрессии» [Земская, 2004, с. 373].

Устное межличностное общение – в особенности за пределами дискурсов институционального типа – насыщено экспрессией и стремится к постоянному усилению выразительности речи разнообразными средствами. Естественно, что лаконизм, провоцируемый сокращением протяженности языковой единицы, способствует этому. Поэтому в общенародной разговорной речи и просторечии востребованы предложно-падежные сочетания типа *до лампочки, до фонаря, в доску* и др. Фиксируются они в достаточном количестве и в жаргонном общении, ср. единицы типа *в елочку, в завязке, в законе, в мощах, в натуре, в нахалку* и т. д. в «Словаре тысячелетнего русского арга» [Грачев, 2003].

Далеко не все жаргонные фразеологические единицы, порождаемые редукцией деривационной базы, становятся кандидатами во фразеологические неологизмы общенародного языка. Что может способствовать их успешному выходу за пределы фразеологии ограниченного употребления? Рассмотрим этот вопрос на конкретном примере, выстроив рассуждения по следующей схеме: 1) какие факторы заставляют уже существующую общенародную фразеологическую единицу редукцироваться в жаргоне; 2) каковы причины выхода редукцированной фразеологической единицы из жаргона назад, в общее употребление; 3) насколько велика вероятность вовлечения данной единицы в дальнейший деривационный процесс, например ее перехода в состав собственно лексических единиц.

Исследование и его результаты

Объектом анализа была избрана жаргонная единица *на крайняк*. Рассмотрим ее существование в русском языке, однако заметим, что она фиксируется и в украинском. В Интернете выложен «Словник сучасного українсь-

кого сленгу», в котором за значком светлого ромба идет такая информация: «**На крайняк** – на крайній випадок. Але хоч як там було, звільнений революціонер завжди втрачає очки порівняно з революціонером арештованим, а бажано навіть – розстріляним, або, *на крайняк*, повішеним, тому й говорити про Лімонова звільненого не так цікаво (Стол. новости)» [Словник сучасного українського сленгу]. В другом интернет-источнике определение сленговой единицы несколько иное: «**На крайняк** – у крайньому разі; коли вичерпані інші варіанти. Приклад Захоплююсь тим, як читають українці: Хочу тамту книгу українською почитати, НУ **НАКРАЙНЯК** англійською; чай і якась булка, печиво, **на крайняк** – хліб з маслом» [Slangzone.net].

В пользу того, что в русской языковой системе данное предложно-падежное сочетание пока не квалифицируется как общеупотребительное, свидетельствует отсутствие его в современных толковых словарях, в то время как вышеупомянутый «Словарь тысячелетнего русского арго» его содержит. Останавливает на себе внимание факт наличия в этом лексикографическом словаре двух статей: «Крайняк» и «Накрайняк». В обеих заголовочная единица имеет статус слова – существительного (*крайняк*) и наречия (*накрайняк*), ср.: «**КРАЙНЯК**, -а, м. Крайний случай. “Нет, я везучий. Да и старшие учили: “штакетины” – на самый крайняк. Но эти драки резко прекратились в начале семидесятых” (КП, 1999, № 29)» [Грачев, 2003, с. 444]; «**НАКРАЙНЯК**, нареч. В крайнем случае. “Цыпа вдруг почему-то сильно заинтересовался пепельницей-“акулой” на моём письменном столе, которую имел счастье лицезреть до этого уже миллиарды раз. Ну, *накрайняк*, сотни раз – это уже железный верняк. Я бы, к примеру, с такой аппетитной девахой, что градусник тебе ставит, не спешил распрощаться. *Накрайняк*, пока сам бы ей кое-что кое-куда не вставил!..” (Е. Монах. Братва: Век свободы не видать). “*Накрайняк* представляйся журналистом из “Коммерсанта”” (Е. Монах. Братва: Глазами волка)» [Грачев, 2003, с. 574]. Заметим, в словаре первая статья иллюстрируется сочетанием *на самый крайняк*, а вторая – слитно написанным *накрайняк*, повторяющимся трижды, но взятым в текстах одного и того же автора. Попытка соотнести содержание двух этих статей вызывает сомнение в целесообразности слитного написания единицы *накрайняк*, хотя нельзя не признать: лингвист всего лишь следовал необходимости опереться на текстовые иллюстрации, которые оказались в его распоряжении.

Оставив на время в стороне спор о правильности предпочтения слитного написания, посмотрим на механизм возникновения сочетания *на крайняк*.

В русском языке известны два устойчивых выражения близкой структуры и почти тождественные в деривационном плане: *в крайнем случае* и *на крайний случай*. Первое из них, однако, функционирует в речи активнее второго, о чем свидетельствует обращение к «Национальному корпусу русского языка» (далее – НКРЯ) [URL: <https://ruscorpora.ru/search>]. Число употреблений оборота *в крайнем случае* превышает число употреблений оборота *на крайний случай* в основном корпусе (далее – ОК) НКРЯ – в 10,31 раза, а в газетном корпусе (далее – ГК) – в 8,58 раза. В чем причина такой неравномерности их использования авторами?

Обращение к толковым словарям XX–XXI вв. показывает большую «узаконенность» оборота *в крайнем случае*. Его как фразеологическую единицу в рамках статьи «Крайний» отмечает уже «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: «**В крайнем случае** – в качестве последней меры; в случае какого-н. затруднения» [Толковый словарь русского языка, 1935, т. 1, стб. 1496]. В последнем томе того же словаря, в составе ста-

ть «Случай», он приводится снова, а затем дается и второй оборот, но в этой статье они уже выделены не полужирным шрифтом, как устойчивые выражения, а курсивом – как иллюстративный материал. При этом первый оборот сопровождается отсылкой к прилагательному как носителю ключевой информации («*В крайнем случае* (см. крайний)»), а второй – снабжается толкованием в скобках: «*На крайний с.* (при крайней необходимости)» [Толковый словарь русского языка, 1940, т. 4, стб. 283]. Хотя в семантизации использованы несовпадающие лексемы, понять разницу в значениях выражений кажется затруднительным.

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой упоминается только одна фразеологическая единица: «**В крайнем случае** – в качестве последней меры, если не останется иного выхода, решения» [Словарь русского языка, 1983, т. 2, с. 119].

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой квалифицирует обе единицы как синонимы, но выражение *на крайний случай* сопровождается пометой *разг.* [Ожегов, Шведова, 1994, с. 722].

Более очевидная семантическая граница между этими фразеологическими единицами проводится во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова: первая из них акцентирует пограничную ситуацию, сложные обстоятельства, в которые попадает субъект действия или состояния, а вторая отсылает к мысли о прогнозировании такой ситуации и вероятности прибегания к неким мерам, которые могут смягчить последствия, ср.: «**В КРАЙНЕМ СЛУЧАЕ.** При острой необходимости, если не останется иного выхода» [Фразеологический словарь русского языка, 1987, с. 434]; «**НА КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ.** В предвидении крайней необходимости, допуская возможность крайней необходимости» [Фразеологический словарь русского языка, 1987, с. 435].

И все же семантическая разница между этими оборотами не ограничивается отмеченной в этом словаре. Интенсивность обращения к фразеологической единице *в крайнем случае* обусловлена ее многозначностью, которую демонстрирует «Словарь эквивалентов слова» Р. П. Рогожниковой: «1. При самой острой необходимости, в качестве последней меры <...> 2. Самое большее <...> 3. Не позже чем» [Рогожникова, 1991, с. 42].

Следует, однако, отметить, что материалы НКРЯ свидетельствуют о постепенном семантическом сближении этих фразеологических единиц. Обе появились приблизительно в одно время: первая фиксация выражения *в крайнем случае* в НКРЯ обнаруживается в тексте 1833 г.: «В ответ бросьте им высокопарную и темную фразу, какую бы то ни было, первую, которая придет вам в голову, хоть бы и вовсе некстати – потому что все определения предмета, которого никто еще не понял со времени вымышления его названия, равно хороши и ясны; *в крайнем случае* сошлитесь на какого-нибудь знаменитого автора» (О. И. Сенковский. Осенняя скука. 1833), а выражение *на крайний случай* включено в текст 1839 г.: «Наполеон не внял гласу справедливости, и Российский Посол должен был прибегнуть к последнему средству: подать протест, заблаговременно, *на крайний случай*, присланный к нему из Петербурга» (А. И. Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны в 1812 году. 1839). Они соответствуют толкованиям в словаре под редакцией А. И. Молоткова. Но заметим, что в текстах до середины XIX в. в НКРЯ пример второго выражения – единственный, а первое встретилось в 13 употреблениях, везде выступая в обстоятельственной позиции и подчиняясь глагольному сказуемому. Уже во второй половине XIX столетия семантика первого

оборота обогащается, равно как расширяется и сеть его сочетательных возможностей: в 27 употреблениях из 209, т. е. почти в 13 % контекстов, оно реализует второе и третье значения, отмеченные в словаре Р. П. Рогожниковой, ср.: «Муравьев и кн. Трубецкой (Сергей), более миролюбивые и менее решительные, хотели только конституции или *в крайнем случае* (то есть *самое большее*. – Л. С.) республики» (Н. А. Добролюбов. Слухи. 1855); «<...> через день, два... *в крайнем случае* (то есть *не позже чем*. – Л. С.), через неделю вы будете иметь все, больше чего желать невозможно» (А. Н. Островский. Бешеные деньги. 1869). Впоследствии эта тенденция углубляется.

Что касается выражения *на крайний случай*, то во второй половине XIX в. оно выявлено только в 7 употреблениях (использовано почти в 30 раз реже первого) и сохраняет свое первичное значение. Первые шаги к сближению семантики двух оборотов можно увидеть в первой половине XX столетия: в двух из 32 контекстов функционирования (6,25 % всех случаев) фразеологическая единица *на крайний случай* синонимична обороту *в крайнем случае* в первом значении, ср.: «Саженья в десяти от берега лопнул турсук, с шипом выпустя воздух. Тотчас следом – второй. Мы осели настолько, что под седла, на которых сидели, проступила вода. Караул-беги поспешил нас заверить, однако, что *на крайний случай* можно продержаться и на пяти турсуках» (С. Д. Мстиславский. Крыша мира. 1905). Можно заметить, что в контексте речь не идет о предвидении крайней необходимости, а сообщается лишь о возможности возникновения ситуации, в которой придется испытывать неудобства. Во второй половине того же столетия подобных случаев уже 12 из 84 (14,29 %), а в контекстах начала XXI в. – 27 из 74 (36,49 %). Эти данные делают понятным указание в кратком толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, ориентированном на самые распространенные значения слов активного запаса, на синонимизацию обоих выражений.

Переходя к тому, почему в устной некодифицированной коммуникации произошла редукция фразеологической единицы, можно отметить следующее. Дериваты-существительные, образованные от прилагательных с помощью суффикса *-ак*; и в рамках литературно-разговорной речи наделены экспрессивностью. Например, зафиксированные в «Грамматическом словаре русского языка» [Зализняк, 1977] существительные *здоровяк, мерзляк, хиляк, пошляк, свежак, сквозняк, желтяк* и т. д. (всего в словаре, содержащем около 100 000 слов, обнаружено 39 таких единиц, правда, преобладающая часть их обозначает лицо; добавим к ним наречие *натошак*, в наибольшей мере по словообразовательному значению форманта близкое к *на крайняк*). Для сравнения: анализ «Словаря московского арго» В. С. Елистратова, толкующего «8000 слов и 3000 идиоматических выражений» [Елистратов, 1994], насчитывает не менее 35 существительных и наречий, в составе которых можно вычленить экспрессивный суффикс *-ак*, ср.: *крутяк, кисляк, кругляк, свежак, внутряк*, хотя он и не всегда оказывается носителем словообразовательного значения, ср.: *наглячка* 'наглость, нахальство' [Елистратов, 1994, с. 264], *ништяковый* 'отличный, чудесный' [Елистратов, 1994, с. 280] и т. д. В целом же в словаре около 70 единиц упомянутых частей речи с финалью *-ак* (на письме – *-ак/-як*), где можно выделить в том числе и суффикс *-няк*, притом что сами деривационные процессы не всегда однородны. Есть образование существительного от существительного (*вена* → *веняк, благ* → *блатак*), существительного от глагола (*драпать* → *драпак, дубеть* → *дубак*), существительного от предикативного наречия (*дурно* → *дурняк, клево* → *клевяк, точно* → *точняк*), существительного от местоимения (*ничто* → *ништяк*); словообразо-

вательный процесс может сопровождаться усечением производящей основы (*глушитель* → *глушак*), представлять собой стяжение словосочетания в одну лексему (*медленный танец* → *медляк*, *строительный отряд* → *стройка*, *толстый журнал* → *толстяк*) и т.д. Однако представляется важным впечатление носителей ненормативной лексики о существовании некой квазимодели, позволяющей ощутить экспрессию во всех подобных дериватах независимо от реального деривационного процесса. Поэтому не вызывает удивления редукция словосочетания *крайний случай* до слова *крайняк*. И все же последнее не входит в круг интенсивно используемых: анализ материалов нескольких частных корпусов НКРЯ – основного, газетных, акцентологического, поэтического, социальных сетей – выявил лишь 14 контекстов с его участием, зато предложно-падежное сочетание *на крайняк* в том же массиве текстов использовано 257 раз. Это подтверждает мотивацию фразеологического неологизма устойчивыми выражениями адвербиальной семантики, которая выглядит как следствие потребности у носителей языка емко и кратко оценить ситуацию.

Нуждается в объяснении предпочтение для редуцирования единицы с предлогом *на*, а не *в*. Пожалуй, единственный словарь – «Большой словарь русских поговорок» – однозначно соотносит предложно-падежное сочетание *на крайняк* с фразеологической единицей *на крайний случай* [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 326]. Однако стоит сформулировать гипотезу, почему надо возводить редуцированную единицу именно к нему. Что, кроме единства предлога и падежа в нередуцированной и редуцированной единицах, подталкивает к почти равной их употребительности в некодифицированном употреблении? В базе текстов социальных сетей фразеологическая единица *на крайний случай* выявлена в 200 употреблениях, а *на крайняк* – в 183 контекстах. (Кстати, в том же пространстве функционирование выражения *в крайнем случае* преобладает: оно выявлено в 824 употреблениях.)

Возможно, здесь действуют два фактора.

Первый: проводя аналогию с возможным процессом словотворчества (*на крайний случай* → *на крайняк*), следовало бы ожидать образования от фразеологической единицы *в крайнем случае* редуцированного варианта *в крайняке*. Но в языковой системе слова обстоятельственной семантики от существительных с суффиксом *-ак* в предложном падеже и предшествующим предлогом *в* не выявляются. Здесь дериваты имеют другую форму, возводясь к существительным без экспрессивного суффикса (*в ажуре*, *в духе*, *в забросе*, *в забыты*, *в итоге*, *в корне*, *в курсе*, и др.) или к кратким прилагательным (*вдалеке*, *вкоротке*, *вкратце*, *влюбе*, *вмале* и т.д.) [Букчина, 1998], при этом во втором случае написание дериватов слитное, а значит, перед нами процесс не фразо-, а словообразования.

Второй фактор: при совпадении в части контекстов семантики фразеологических единиц *в крайнем случае* и *на крайний случай* вторая единица все же способна в других контекстах реализовать значение, которого не имеет первое выражение, – значение, включающее сему 'предвидение'. На формировании такого смысла может сказываться влияние семантики предлога *на*, которая обнаруживается в конструкции с винительным падежом и в литературном языке, и в диалектных подсистемах. Это указание на отношения цели, ср.: «Употребляется при обозначении цели, к которой направлено действие» [Словарь русского языка, 1983, т. 2, с. 322]; «С вин. пад. употребляется при указании на цель, назначение какого-либо действия» [Словарь русских народных говоров, 1983, вып. 19, с. 98]. В то же время предлог *в* в составе фразеологической единицы *в крайнем случае* используется для обозначения

«условий, обстановки, в которых находится кто-л.» [Словарь русского языка, 1981, т. 1, с. 133]. Именно этот оттенок семантики, как кажется, реализуют такие контексты: «Сначала мечтала стать машинистом поезда, ну, *на крайняк*, трамвая» [ГК НКРЯ: Юта не ищет любви у неба // Аргументы и факты. 2004. 23 марта]; «Могли запросто отобрать деньги, избить, *на крайняк* во время боя пристрелить» [ГК НКРЯ: А. Коц. Как контрактники с ментами в войну играли // Комсомольская правда. 2006. 7 апр.]; «Мошенник добавил, что, если силовики позвонят в фирму для подтверждения данных пропуска, он сможет предоставить им всю информацию или "*на крайняк*" быстро оформить договор» [ГК НКРЯ: Раскрыта схема получения поддельных пропусков в Москве // Lenta.ru. 2020. 18 апр.] и т. п.

Конечно, пока это только гипотезы, которые требуют дополнительной проверки. В настоящий момент с очевидностью можно констатировать лишь то, что данный фразеологический неологизм находится в поле активного внимания носителей языка. Еще восемь лет назад на одном из интернет-сайтов обсуждался вопрос: «Как правильно писать: *накрайняк*, *на крайняк*?», который имел 22 000 просмотров. Два посетителя сайта в ответ предположили, что написание должно быть раздельным. При этом один пошел формальным путем, поясняя: «Похоже, раздельно, *крайняк* (мол. жаргон) – крайний случай. На что? *на крайняк*, падежный вопрос поставить можно, значит, это наречное выражение (сущ. + предлог), наречием ещё не стало». Второй сослался на авторитет НКРЯ, отмечая, что в просмотренных им материалах было 15 раздельных написаний, но не встретилось ни одного слитного [«*Накрайняк*» или «*на крайняк*»].

Сейчас в неавторизованных версиях интернет-страниц лингвистов-любителей [#Словарь сленга; Предложения со словом «*крайняк*»; ЗвукиБуквы] отмечается раздельное написание. В кругу кодифицированных языковых единиц, которые могут быть с ней сопоставлены, будучи воспринимаемыми как результат сращения предлога *на* и существительного в винительном падеже, удалось найти 76, которые продолжают писаться раздельно (*на поверку*, *на подбор*, *на люди* и т.п.), и 63, в которых предлог стал осознаться приставкой (*наместо*, *наособицу*, *наперегонки* и т.п.). Конечно, восприятие этих единиц зависит от разных семантических и синтаксических факторов. Попытка выявить в кругу данных дериватов такие, которые близки по словообразовательной модели к выражению *на крайняк*, приводят к обнаружению только одного производного наречия: *натощак* (← *на тощий желудок*). Однако в «Словаре русских народных говоров» обнаруживаются и другие, хотя и немногочисленные дериваты, созданные по этой модели. Один из них – *наголяк*, «нареч. То же, что *наголе* (в 1-м знач.), без одежды. Все колют *наголяк*. Ворон., 1965» [Словарь русских народных говоров, 1983, вып. 19, с. 208] (на голое тело). Второй, *накисляк*, в том же словаре трактуется как существительное, ср.: «**Накисляк**, а, м. Перепаханная земля, оставляемая на другое лето для повторной обработки; земля, оставленная под пар. *Накисляк* – земля, оставят, чтоб перепрела, а в другое лето обрабатывают. Кыштов. Новосиб., 1965» [Словарь русских народных говоров, 1983, вып. 19, с. 320]. Думается, однако, что подобная трактовка не совсем точна. На эту мысль наводит тот факт, что в вып. 13 того же словаря есть статья с заголовочным словом *кисляк*, четвертое значение которого трактуется как «целина, вспаханная в прошлом году» [Словарь русских народных говоров, 1977, вып. 13, с. 236]. Отсюда очевиден деривационный процесс: *на кислую землю* → *на кисляк* (→ *накисляк*). Вероятно, сюда же относится и *надурняк* – «нареч. 1. Почти даром, задаром. Мужики (не казаки) говорят *надармак*, ну, а мы – *надурняк*. Дон., 1929. Красно-

дар. 2, Зря, напрасно, попусту. Липец. Ворон., Тростянский» [Словарь русских народных говоров, 1983, вып. 19, с. 256].

Конечно, и в диалектном словообразовании возможно только внешнее совпадение дериватов, ср.: «**Надармак**. нареч. 1. Задаром. Дон., 1929» [Словарь русских народных говоров, 1983, вып. 19, с. 222]; «**Наискосьяк**, нареч. Наискось. Южн., Даль. Бобр. Ворон., Новоаннин. Сталингр.» [Словарь русских народных говоров, 1983, вып. 19, с. 297]. Во всяком случае небесспорно участие в словообразовании этих дериватов наречий *дарма* и *наискось*. Тем не менее в их составе явно вычленяется экспрессивный суффикс *-ак*.

В жаргонной речи вышеупомянутая модель тоже как будто проявляется, о чем свидетельствует фиксация в словаре М. А. Грачева наряду с *накрайняк* такого наречия, как *наскорьяк* 'быстро' [Грачев, 2003, с. 582] (предположительно от фразеологической единицы *на скорую руку*). Правда, абсолютной уверенности в таком протекании словообразовательного процесса нет, поскольку можно воспринять зафиксированные там же экспрессивные наречия *наглушняк* 'насмерть' [Грачев, 2003, с. 567], *начистьяк* 'совсем, полностью' [Грачев, 2003, с. 587] (как и *наскорьяк*), как образования от *наглухо*, *начисто*, *наскоро*. В пользу второй версии говорит и обнаружение двух из этих трех наречий в различных корпусах НКРЯ: ОК, ГК, акцентологическом и корпусе социальных сетей. Наречия *начистьяк* выявить не удалось. Интенсивность использования остальных намного ниже, чем у *на крайняк/накрайняк*. *наглушняк* встретилось в 9 контекстах, *наскорьяк* – в 10. Добавим к этому, что во всех случаях авторы речи пишут данные единицы только слитно. Вероятно, они и воспринимаются носителями некодифицированной речи как экспрессивные дериваты наречий *наскоро*, *наглухо*.

Есть в словаре М. А. Грачева и ряд образований, где *-ак-* не выступает в качестве безусловного словообразующего средства: *наверняка*, *наширмака*, *наширмачка* [Грачев, 2003, с. 565, 588]. Заметим, что в словаре В. С. Елистратова, отражающего не особенности речи преступного мира, а городской (московский) жаргон, зафиксированы жаргонизмы со словообразующим суффиксом *-ак*: *верняк*, *висяк*, *дубак*, *дубняк*, *дурняк*, *крупняк*, *крутяк*, *наверняк*, *нагляк*, *наивняк*, *свежак*, *точняк*, *тошняк*, *тухляк* [Елистратов, 1994, с. 62, 66, 122, 124, 216, 262, 264, 266, 421, 474, 475, 483] и некоторые другие (однако приведенных выше наречий среди них нет). У всех жаргонизмов из этого словаря, квалифицируемых как существительные, отмечается в качестве основной предикативно-характеризующая функция, т. е. они призваны охарактеризовать и оценить ситуацию.

Опора на речевую стихию, в которой носители языка не контролируют нюансы соблюдения норм литературного языка (например, устное общение, переписка в социальных сетях), показывает, что отдельные авторы высказываний иногда воспринимают *крайняк* как самостоятельную языковую единицу, а не как часть предложно-падежного сочетания. В разных частных корпусах НКРЯ было выявлено 16 таких употреблений, ср.: «Считали, что это *крайняк*, смелый вызов власти, растабуирование запретного» [ОК НКРЯ: А. Салуцкий. Немой набат // Москва. 2019. Сент.]; «Время выпекания зависит от толщины пиццы. Примерно пятнадцать минут на сантиметр. Я обычно ориентируюсь на глаз. Или на запах подгорающей еды (но это уже *крайняк*)» [ГК НКРЯ: А как что-нибудь заныкать дома? // Аргументы и факты. 1999. 17 сент.]; «В общем посмотрела я по поиску туроператоров (систер скинула ссылки, где она на работе бронирует), бум стараться все же в Грецию или Болгарию, *крайняк* Турция. Муж в Тунис не хочет. А мне по фиг, лишь бы море, солнце и all» [Корпус

социальных сетей НКРЯ: Ребенок и отдых на море. 2022]. В то же время соотношение примеров функционирования фонетического слова [нъ-крлйн'áк] в письменной форме в различных корпусах базы НКРЯ показывает, что пока преобладает восприятие этой единицы как фразеологической (вспомним: было найдено 257 контекстов с написанием *на крайняк*), в то время как слитное написание *накрайняк* обнаружено только в 126 употреблениях. Это означает, что наивное сознание носителя языка еще не воспринимает данный речевой отрезок как полностью лексикализовавшийся и «оторвавшийся» от производящей редуцированной фразеологической единицы.

Заключение

Итак, можно в первом приближении ответить на поставленные в исследовании вопросы следующим образом:

1. Поскольку жаргонная речь отражает стихию устной коммуникации, она тяготеет к лаконизму в соединении с экспрессией, отсюда тяготение к компрессии, обращение к словотворчеству с опорой на существующие модели словообразования (в данном случае срабатывает модель *на* + **атрибутивно-субстантивное словосочетание в вин. п.** → *на* + **существительное с экспрессивно окрашенным суффиксом -ак с семантикой предметности**). При этом дополнительным средством получения единицей языкового статуса (хотя бы и за пределами литературной нормы) может быть продуктивность словообразующих экспрессивно нагруженных морфем, их внешняя узнаваемость, формальная привычность; многозначность самого форманта *-ак*: а) 'лицо как носитель качества' (*слабак, толстяк, остряк, босьяк*); б) 'животное как носитель определенного свойства, способности и т.п.' (*беляк, русак, гончак, пестряк*); в) 'собирательность' (*кругляк, топляк, вишняк*); г) предмет или явление как носитель определенного качества (*порожняк, сорняк, синяк, желтяк, сквозняк, сыпняк*); д) абстрактное понятие как предмет оценки (*пустяк, свежак, чистяк*) – не мешает, а лишь способствует словотворчеству.

2. Собственно лингвистическими причинами выхода рассматриваемой редуцированной фразеологической единицы из жаргона в общее употребление можно считать высокую степень абстрактности ее семантики (она не связана со специфическими реалиями, окружающими носителей жаргона), эмоциональность, вносимую формантом, и компактность формы, отвечающую принципу экономии речевых усилий, а экстралингвистическими – востребованность в коммуникативном процессе при обсуждении самых разнообразных ситуаций, где субъект действия сталкивается с необходимостью выбора, и способность выполнять функцию интимизации общения.

3. Прогноз вероятности полной лексикализации данной единицы как результата вовлечения ее в дальнейший деривационный процесс противоречив. Переходу ее с фразеологического подуровня на лексический способствует отсутствие в литературном языке существительного *крайняк* и относительная непродуктивность суффикса *-ак* в образовании существительных с семантикой абстрактности. Однако в жаргонной речи такие единицы с суффиксом *-ак*, которые в зависимости от конситуации способны выступать то как существительные, то как слова категории состояния, есть. К тому же не снижают активности функционирования и мотивирующие фразеологические единицы *на крайний случай, в крайнем случае*, которые сохраняют семантическое единство (или хотя бы значительную близость) с редуцированным фразеологическим неологизмом.

Список источников

- Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970. 263 с.
- Бадмацыренова Н. Б.* Фразеобразовательные процессы в монгольских языках: фразеологическая редукция // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований: материалы III Междунар. науч. конф., посв. 80-летию акад. РАЕН, проф. В. И. Рассадина, 30-летию создания тофаларской письменности и 20-летию сойотской письменности (Элиста, 11–14 ноября 2019 г.) / редколл.: Б. К. Салаев [и др.]. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова, 2019. С. 40–42.
- Бекетова Н. А.* О механизме экспрессивного словообразования (на материале российской периодической печати) // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95). С. 185–192.
- Букчина Б. З.* Слитно? Раздельно? Через дефис?: орфографический словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. 720 с.
- Гвоздарев Ю. А.* Основы русского фразеобразования. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Логос, 2010. 246 с.
- Грачев М. А.* Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 1120 с.
- Грудева Е. В.* Избыточность текста, редукция и эллипсис (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 41 с.
- Елистратов В. С.* Словарь московского арго: материалы 1980–1994 гг. Около 8 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М.: Русские словари, 1994. 700 с.
- Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. 880 с.
- ЗвукиБуквы [Электронный ресурс]. URL: <https://zvukibukvy.ru/slang/%D0%BD%D0%B0-%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8F%D0%BA> (дата обращения: 20.01.2024).
- Земская Е. А.* Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. 688 с.
- Ильясова С. В.* Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. 360 с.
- Кайсарова С. Н.* Мировосприятие русского народа в экспрессивном словообразовании (на примере редупликации и усилительных моделей прилагательных) // Язык культуры и культура языка: сб. ст. I Междунар. науч. конф. / отв. ред Т. Ю. Колыгина. Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2023. С. 56–58.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
- «Накрайняк» или «на крайняк» (слитно или раздельно)? [Электронный ресурс] // Русский язык. URL: <https://rus.stackexchange.com/questions/422789/%D0%9D%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8F%D0%BA-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D0%BD%D0%B0-%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8F%D0%BA-%D1%81%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%BD%D0%BE-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE> (дата обращения: 10.05.2023).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 928 с.
- Пелевина Л. К.* Редукция слов как знак времени // Древняя и Новая Романия. 2020. № 25. С. 137–141.
- Предложения со словом «крайняк» [Электронный ресурс] // Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D0%BE-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BC/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8F%D0%BA> (дата обращения: 10.05.2023).
- Радибурская Л. В.* Экспрессивные способы словообразования в современном медийном словотворчестве // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований / науч. ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Майкоп: Магарин О.Г., 2017. С. 414–424.
- Рогожников Р. П.* Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М.: Русский язык, 1991. 254 с.
- Рубцова Е. В., Девдариани Н. В.* Способы экспрессивного словообразования в современных медиатекстах // Балтийский гуманитар. журн. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 328–331.

Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Ин-т рус. языка, Словарный сектор. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1965–.

Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

#Словарь сленга [Электронный ресурс]. URL: <https://you-slang.ru/words/pa-krainuak> (дата обращения: 20.01.2024).

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Федуленкова Т. Н., Воронин Р. А. Редукция коммуникативных фразеологических единиц как проявление фразеологической компрессии (на материале КФЕ современного английского языка) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 557.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1987. 543 с.

Словник сучасного українського сленгу [Електронний ресурс]. URL: https://slovyk.me/dict/slang_modern/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8F%D0%BA (дата обращения: 26.01.2024).

Slangzone.net [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slangzone.net/word/%D0%9D%D0%B0%20%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8F%D0%BA> (дата обращения: 20.01.2024).

References

Babkin A. M. (1970). *Russian phraseology, its development and sources*. Leningrad, Science, 263 p. (In Russian).

Badmacyrenova N. B. (2019). The Processes of Formation of Phraseological Units in the Mongolian languages: Phraseological Reduction. *Actual Problems of Mongolian studies and Altaic studies*. Elista, Kalmyk State University, pp. 40-42. (In Russian).

Beketova N. A. (2010). On the Mechanism expressive Word-Formation (the Case of Russian Periodicals). *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities*, no. 24 (95), pp. 185-192. (In Russian).

Bukchina B. Z. (1998). *Together? Separately? Hyphenated?: Spelling dictionary of the Russian language*. Moscow, AST-PRESS, 720 p. (In Russian).

Dictionary of modern Ukrainian slang. Available at: https://slovyk.me/dict/slang_modern/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8F%D0%BA (accessed 26.01.2024). (In Ukrainian).

Dictionary of Russian folk dialects (1965-). Moscow: Science; Leningrad: Science, Leningrad Branch. (In Russian).

Elistratov V. S. (1994). *Dictionary of Moscow Argot*. Moscow, Russian dictionaries, 700 p. (In Russian).

Evgeneva A. P., ed. (1981-1984). *Dictionary of the Russian language*: in 4 vols. Moscow, Russian language. (In Russian).

Fedulenkova T. N., Voronin R. A. (2013). Reduction of communicative phraseological units as a manifestation of phraseological compression (based on the material of communicative phraseological units of the modern English language). *Modern Problems of Science and Education*, no 5, p. 557.

Grachev M. A. (2003). *The Dictionary of the millennial Russian Argot*. Moscow, RIPOL CLASSIC, 1120 p. (In Russian).

Grudeva E. V. (2008). *Redundancy of the text, reduction and ellipsis (based on the material of the Russian language)*. Dissertation Thesis. Saint Petersburg, 41 p. (In Russian).

Gvozdev Yu. A. (2010). *Fundamentals of the Science of the Formation of Russian phraseological units*. 2nd ed., revised and expanded. Rostov-on-Don, Logos, 246 p. (In Russian).

Il'yasova S. V. (2002). *Word-formation game as a phenomenon of the language of modern media*. Rostov-on-Don, Rostov State University, 360 p. (In Russian).

Kajsarova S. N. (2023). The worldview of the Russian people in expressive word formation (using the example of reduplication and amplifying models of adjectives). *The language of culture and the culture of language*. Collection of articles of the I International Scientific Conference. Surgut, Surgut State Pedagogical University, pp. 56-58. (In Russian).

Mokienko V. M., Nikitina T. G. (2007). *A large Dictionary of Russian sayings*. Moscow, OLMA Media Group, 784 p. (In Russian).

Molotkov A. I., ed. (1987). *Phraseological Dictionary of the Russian Language*. 4th ed., stereotypical. Moscow, Russian language, 543 p. (In Russian).

ZVUKIBUKVY. Available at: <https://zvukibukvy.ru/slang/%D0%BD%D0%B0-%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8F%D0%BA> (accessed 20.01.2024). (In Russian).

“Nakrajnyak” or “na krajnyak” (writtem together or separately)? *Russian language*. Available at: <https://rus.stackexchange.com/questions/422789/%D0%9D%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8F%D0%BA-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D0%BD%D0%B0-%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8F%D0%BA-%D1%81%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%BD%D0%BE-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE> (accessed 10.05.2023). (In Russian).

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (1994). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow, Az, 928 p. (In Russian).

Pelevina L. K. (2020). Reduction of words as a sign of time. *Ancient and Modern Romania*, no. 25, pp. 137-141. (In Russian).

Raciburskaya L. V. (2017). Expressive ways of word formation in modern media word creation. *Theory and practice of onomastic and derivatological research*. Maikop, Magarin O.G., pp. 414-424. (In Russian).

Rogozhnikova R. P. (1991). *Dictionary of word equivalents: adverbial, service, modal units*. Moscow, Russian language, 254 p. (In Russian).

Rubcova E. V., Devdariani N. V. (2021). Methods of expressive word formation in modern media texts. *The Baltic Humanitarian Journal*, vol. 10, no. 2 (35), pp. 328-331. (In Russian).

Sentences with the word «krajnyak». *The map of words and expressions of the Russian language*. Available at: <https://kartaslov.ru/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D0%BE-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BC/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8F%D0%BA> (accessed 10.05.2023). (In Russian).

Slangzone.net. Available at: <https://www.slangzone.net/word/%D0%9D%D0%B0%20%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8F%D0%BA> (accessed 20.01.2024). (In Russian).

#*Slovar' slenga*. Available at: <https://you-slang.ru/words/na-krainyak> (accessed 20.01.2024). (In Russian).

Ushakov D. N., ed. (1935-1940). *Explanatory dictionary of the Russian language*. in 4 vols. Moscow, Association of State Book and Magazine Publishers. (In Russian).

Zaliznyak A. A. (1977). *Grammatical dictionary of the Russian language*. Moscow, Russian language, 880 p. (In Russian).

Zemskaya E. A. (2004). *Language as an activity. Morpheme. Word. Speech*. Moscow, Slavic languages, 688 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Савенкова Людмила Борисовна – докт. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, savenkova@sfedu.ru

Information about the Author

Liudmila B. Savenkova – Ph.D. in Philology, professor of the Department of the Russian Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, savenkova@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию 06.04.2024; одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 03.10.2024.

The article was submitted 06.04.2024; approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 03.10.2024.